

О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ

Эта маленькая, хрупкая женщина творит на сцене чудеса. Она дарит нам искусство, уходящее своими корнями в самую гущу народной жизни. Своим темпераментным и искрометным танцем она открывает нам исполненную глубокого таинства, до конца неразгаданную, веселую и вечно юную Испанию.

Имя ее хорошо знают в Латинской Америке, США, Канаде, Советском Союзе. Виртуозная танцовщица, тонкий стилизатор и талантливый хореограф, Пилар Риоха вот уже в течение многих лет по праву носит титул королевы испанского танца.

Пилар Риоха:

И у нас есть город Тула...

...Звучат струны гитары. Зычным, слегка хрипловатым голосом певец затянул таранте—песнь угнетенных горячков Испании. Луч прожектора выхватывает из глубины сцены маленькую, хрупкую, одетую во все черное женскую фигурку. Она подошла к рампе, взмахнула руками, и вихрь танца закружил ее. Вдруг руки-крылья опустились, потом опять взметнулись вверх. «Нет, я не сдамся!»— как бы говорит своим танцем женщина, убеждая нас в том, что неистребим, непобедим человек. А мелодия разрывающей душу песни звучит все сильнее и сильнее, все быстрее раскручивается танец-полет, танец-стихия, танец-протест. Кажется, еще немного — и неведомая сила поднимет и унесет тебя вместе с этой женщиной.

...Пилар Риоха называют «королевой испанского танца». О ее творчестве сняты фильмы. Критики единодушно отмечают неповторимость и своеобразие ее стиля. Ее искусству аплодировали зрители многих стран мира.

А родилась она на севере Мексики в городке Торреоне. Еще в конце прошлого века в поисках лучшей доли хлынули сюда эмигранты из Испании. Вместе с родителями приехал в Мексику и 13-летний Эдуардо Риоха, отец Пилар.

Любовь к испанскому танцу жила в ней с детства. Девчонкой вместе со своими братьями и сестрами она, нарядившись в мамы юбки и платья, устраивала театральные представления прямо на улице. С наслаждением плясала в кругу друзей отца и на популярных среди испанцев отмечаемых в сентябре народных праздниках «ромернас». Танец был естественным продолжением ее жизни.

Склонность дочери к танцу заметили родители, и на семейном совете было решено отправить ее учиться в столицу. Однако в Мехико Пилар пробыла недолго. Чтобы в совершенстве постигнуть искусство испанского народного танца, она уезжает на родину своих предков—в Испанию.

В Мадриде 15-летняя Пилар начала посещать школу известного байладора (так испанцы называют исполнителей фламенко) Хуана Санчеса, прозванного «Эль Эстампио». Впрочем, тут лучше предоставить слово самой Пилар.

— Моя встреча с Эстампио произошла тогда, когда он уже не выступал. А слава о нем в свое время выходила далеко за пределы Испании. В 20-е годы он был даже приглашен в труппу Дягилева. Маэстро Санчес был худой, подтянутый, невысокого роста старик. Очень строгий и требовательный как педагог. Я брала у него уроки фламенко. Занимались мы в маленькой, около 12 метров, комнатке. На стене висело небольшое зеркало. Комната плохо отапливалась, и, когда было особенно холодно, Эстампио приносил печурку. Обычно он показывал то или иное движение, восседая на высоком стуле с папиросой в зубах и в старых домашних туфлях. Таким он и запомнился мне.

В Мадриде я одновременно занималась и в школе другого известного танцовщика и педагога—Анхеля Перисета. У него я осваивала испанские классические танцы, те, которые одной из первых балерин прошлого начала исполнять великая Фанни Эльслер. В Испании я прожила около двух лет.

— А что было потом? — Затем я вернулась в Мексику и начала выступать самостоятельно с группой музыкантов. Сегодня в моем репертуаре старинные испанские танцы XVII—XVIII веков, народные танцы провинций Испании и обожаемое мною фламенко. Исполняю я

их в собственной стилизации и хореографии. Сама же готовлю и свои концертные программы, используя музыку композиторов итальянского и испанского барокко, сочинения И. Альбениса и М. де Фальи и, конечно же, народную музыку.

Здесь мы вынуждены были прервать нашу беседу. Пилар торопилась на репетицию перед своим последним концертом в Ленинграде. Там мы и условились продолжить разговор в Москве.

И вот я снова в гостях у мексиканской балерины. В уютном номере гостиницы много цветов. Веселыми глазами смотрят русские матрешки. Чувствуется, что увлечение Пилар сувенирами не просто дань моде или коллекционированию, а глубокий интерес истинного художника к самобытному искусству народов других стран, помогающий, быть может, ей через танец лучше выразить дух и своего собственного народа.

— Народный танец — неисчерпаемый источник для творчества, — убеждена она. — Поэтому необходимо бережно относиться к фольклору. К сожалению, я наблюдаю среди мексиканской да и испанской молодежи ослабление интереса к народной музыке и танцу. Молодые люди больше увлекаются иностранными мелодиями, предпочитают слушать рок, диско. Для популяризации же народного танца нужно создавать больше специальных школ, необходима финансовая поддержка со стороны государства. Я не могу сказать, что на моей родине ничего в этом плане не предпринимается. В Мексике существуют школы и мексиканского, и испанского народного танца как частные, так и государственные. Практически каждый штат стремится сохранить и развивать свои танцевальные традиции. Всему миру известны марьячи — уличные певцы и танцоры из Гвадалахары. Для любителей народного танца существуют кружки при университетах. Проводятся фестивали и праздники народного танца с участием самодеятельных артистов и профессиональных исполнителей. Особенно большой популярностью пользуются смотры народного творчества в штате Оахака. Имеются и профессиональные коллективы. Например, с успехом проходят у нас выступления фольклорного балета Амали Эрнандес и труппы «Балет Гвадалахары». В столичной школе балета есть отделение характерного танца. Ежегодно в Гуанахуато проводится фестиваль «Сервантино», в котором принимают участие не только танцоры, но и оперные певцы, театральные коллективы и который, как правило, выливается в крупное событие в культурной жизни страны.

Пилар на минуту умолкает. Короткая пауза позволяет ей углубиться в воспоминания.

— Вообще-то мне повезло, — признается она. — На своем жизненном пути я встретила удивительных людей, одни только имена которых сегодня — живая история.

И Пилар называет тех, кто оставил яркий след в ее судьбе. Слышу знакомые и незнакомые мне имена. Известный танцовщик Маноло Варгас... Поэт Леон Фелипе... Давид Альфаро Сикейрос... Танцовщица вспоминает встречи с ними, сопровождая свой рассказ живой мимикой и жестикуляцией, точно передающей черты их характера. Рассказы ее начинаются так, что мне кажется, что я уже была и в загородном доме Сикейроса в Куэрналиваке, и в аскетическом жилище Леона Фелипе. Мысленно погружаюсь в атмосферу Мехико тех лет, когда по доброй воле, уходящей ныне тради-

ции в кафе «Сорренто» собирався артистический мир столицы, куда приходили Пилар и ее друзья, где они жарко спорили, от души веселились и, конечно же, танцевали.

А Пилар продолжает: — Важной для меня была и встреча с Хосе Самперио, видным музыкальным критиком, личным другом Гарсиа Лорки и Мануэла де Фальи. Этот человек был моим духовным наставником. Он изменил все мое представление о народном танце. Он же способствовал и выработке у меня музыкального вкуса, привив мне любовь к классической музыке.

С благодарностью вспоминаю я и Рибаса Черифа. Вот уж поистине легендарная личность! Крупный театровед, он вместе с Лоркой организовал народный театр «Ла Баррака», где крестьянам показывали лучшие пьесы испанских драматургов. Фашисты хотели его расстрелять, но ему удалось бежать из Испании в Мексику, где он и обрел свою вторую родину. Так вот, эти люди научили меня главному: преданно любить искусство.

— А в чем вы видите назначение искусства?

— В искусстве, так же как и в жизни, нужно быть честным до конца. Я стремлюсь будить в людях чувство прекрасного, ведь настоящее искусство должно рождать в человеке благородные порывы, чувства любви, красоты, дружбы. Оно должно делать его чище, лучше, прекраснее, а не разжигать в нем низменные инстинкты.

Лично я хочу своим искусством дарить зрителям свою любовь. Еще мой любимый поэт Ф. Гарсиа Лорка в одном из стихотворений писал: «А ты: для чего ты творишь?» И сам же отвечал: «Для того, чтобы меня любили». Так вот и я всегда задаю себе этот же вопрос: «А для чего ты живешь и творишь?»

Я люблю людей, люблю зрителей. Мое искусство для них. Считаю, что проповедовать гуманизм своим творчеством особенно важно сегодня, в наш безумный век с его стремительными скоростями, возросшими ритмами, когда мы сами немного уподобляемся роботам и всем нам так недостает человеческого тепла.

Нить рассуждений возвращает Пилар в 1975 год, когда она впервые приехала в нашу страну.

— Помню, мои первые гастроли должны были проходить в Туле. — Тут в добрых глазах моей собеседницы загорается теплая улыбка. — Было это зимой. У меня до сих пор стоит перед глазами этот заснеженный город. Тогда я подумала: «Надо же, какое совпадение. А у нас в Мексике тоже есть свой городок Тула». Именно тогда у меня зародилось чувство симпатии к вашему народу. Ведь я всегда мечтала посетить вашу страну. До приезда к вам я много читала о СССР. Читала и русскую классику (Чехов, Толстой — мои любимейшие писатели). У себя на родине я просмотрела все фильмы с Улановой, в том числе и незабываемые «Ромео и Джульетта» и «Бахчисарайский фонтан». Сильное впечатление произвел на меня фильм-балет «Кармен» с Майей Плисецкой. Я особенно внимательно слежу за развитием вашей и кубинской школ балета. Каждая из них имеет свое лицо и добила впечатляющих успехов.

Нынешний мой приезд в Советский Союз шестой по счету. Мне нравится выступать перед вашей публикой. Я не чувствую себя иностранкой, не ощущаю себя у вас чужой. Все здесь мне близко и знакомо. За эти годы у меня появилось тут много друзей. А два года назад я получила приглашение провести семинары по испанскому танцу для преподавателей и студентов хореографического училища и ГИТИСа. Кстати, и сегодня я продолжаю сотрудничать с советскими коллегами, с которыми мне нравится делиться своими знаниями и опытом.

...В обычном костюме, в туфлях на каблучке, в которых она обычно исполняет фламенко, Пилар стояла посреди зала, показывая студентам ГИТИСа элементы популярного испанского танца «Севильяна». Те в свою очередь неотрывно следили за каждым ее движением. Тут же был и постоянный аккомпаниатор танцовщицы Хосе Луис Негрете. Снова играла гитара. Плавнo переходя от одной пары к другой, легко и изящно дирижировала Пилар столь необычным «оркестром».

Она говорила с ними на языке Танца.

После урока я подошла и спросила ее:

— Думаете ли вы заняться педагогической деятельностью всерьез?

— Пока не знаю, — пожал плечами, ответила она. — Мне хотелось бы танцевать всегда. Когда я танцую, то забываю обо всем на свете. В жизни человек немного нерешительный. На сцене же я не боюсь ничего. Танец — моя жизнь. И если бы, мне довелось родиться заново, я все равно посвятила бы себя Танцу.

Т. БУРЛАК.